

ных поэта, подхваченные экстазом культовой горячки, досочинялись до того, что выдали «на-гора» строки, не сившиеся нигде и никогда придворным поэтам: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе!..»¹

И вот любимый, величайший, святейший лежит на дне великой реки, обдумывает свое поведение.

И станок Курейка сместился с прежнего месторасположения, ушел тихо и незаметно, как от прокаженной, заразой болейшей земли, в сторону, в совхоз, километра на два от прежнего станка Курейка. <...>

Разнообразна жизнь.

Л. Д. ТРОЦКИЙ **[Сталин в Октябре]**

<Фрагменты главы «1917 год» из книги Л. Троцкого «Сталин»>

Всю последнюю неделю перед восстанием Сталин маневрировал между Лениным, Троцким и Свердловым с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым — с другой. На заседании ЦК 21 октября он восстанавливает слишком нарушенное накануне равновесие, внося предложение поручить Ленину подготовку тезисов к предстоящему съезду Советов и возложить на Троцкого политический доклад. Оба предложения приняты единогласно. Если б между Троцким и ЦК, отметим мимоходом, были в это время те разногласия, которые были изобретены несколько лет спустя, каким образом ЦК по инициативе Сталина мог бы поручить Троцкому наиболее ответственный доклад в наиболее ответственный момент? Застраховав себя таким путем слева, Сталин снова отходит в тень и выжидает.

Об участии Сталина в Октябрьском восстании биографу, при всем желании, нечего сказать. Имя его нигде и никем не называется: ни документами, ни многочисленными авторами воспоминаний. Чтобы заполнить как-нибудь этот зияющий пробел, официальная историография связывает роль Сталина в событиях переворота с таинственным партийным «центром» по подготовке восстания. Никто, однако, ничего не сообщает нам о деятельности этого «центра» и о месте и времени его заседаний,

¹ Из стихотворения М. Исаковского «Слово к товарищу Сталину».

о тех способах, какими он осуществлял свое руководство. И не мудрено: этот «центр» никогда не существовал. История легенды заслуживает внимания.

На совещании ЦК с рядом выдающихся петроградских деятелей партии 16 октября было постановлено, как мы уже знаем, организовать «Военно-Революционный Центр» из пяти членов ЦК. «Этот центр, — гласит спешно написанная Лениным в углу зала резолюция, — входит в состав революционного советского комитета». Таким образом, по прямому смыслу решения, «центр» предназначался не для самостоятельного руководства восстанием, а для пополнения советского штаба. Но, как и многим другим импровизациям тех лихорадочных дней, этому замыслу вообще не суждено было осуществиться.

В те самые часы, когда ЦК в отсутствие Троцкого создавал на клочке бумаги новый «центр», Петроградский Совет под председательством Троцкого окончательно оформил Военно-Революционный Комитет, который с момента своего возникновения сосредоточил в своих руках всю работу по подготовке восстания. Свердлов, имя которого в списке членов «центра» стоит на первом месте (а не имя Сталина, как ложно значится в новых советских изданиях), работал и до и после постановления 16 октября в тесной связи с председателем Военно-Революционного Комитета. Три других члена «центра» — Урицкий, Дзержинский и Бубнов — были привлечены к работе Военно-Революционного Комитета каждый индивидуально лишь 24 октября, как если бы решение 16 октября никогда не выносилось. Что касается Сталина, то он, согласно всей своей линии поведения в тот период, упрямо уклонялся от вхождения как в Исполнительный комитет Петроградского Совета, так и в Военно-Революционный Комитет, и ни разу не появлялся на их заседаниях. Все эти обстоятельства без труда устанавливаются на основании официально опубликованных протоколов.

На заседании ЦК 20 октября «центр», созданный четыре дня тому назад, должен был бы, казалось, сделать доклад о своей работе или хотя бы упомянуть о начале ее: до съезда Советов оставалось всего пять дней, а восстание должно было предшествовать открытию съезда. Правда, Сталину было не до того: защищая Зиновьева и Каменева, он подал на этом заседании в

отставку из редакции «Правды». Но никто из остальных членов «центра», присутствовавших на заседании, ни Свердлов, ни Дзержинский, ни Урицкий ни словом не упомянули о «центре». Протокольная запись 16 октября была, видимо, тщательно запрятана, чтобы скрыть следы участия в заседании «нелегального» Ленина, и за четыре драматических дня о «центре» успели тем легче забыть, что напряженная работа Военно-Революционного Комитета исключала самую надобность в дополнительном учреждении.

На следующем заседании 21 октября с участием Сталина, Свердлова, Дзержинского опять-таки никто не делает доклада о «центре» и даже не упоминает о нем. ЦК ведет работу так, как если бы никакого решения о «центре» никогда не выносилось. В этом заседании постановлено, между прочим, ввести в Исполнительный комитет Петроградского Совета для улучшения его работы десять видных большевиков, в том числе Сталина. Но и это постановление осталось на бумаге.

Подготовка восстания шла полным ходом, но по другому каналу. Фактический хозяин столичного гарнизона — Военно-Революционный Комитет — искал повода для открытого разрыва с правительством. Такой повод создал 22 октября командующий войсками округа, отказавшись подчинить свой штаб контролю комиссаров Комитета. Нужно было ковать железо, пока горячо. Бюро Военно-Революционного Комитета с участием Троцкого и Свердлова выносит решение: признать разрыв со штабом свершившимся фактом и перейти в наступление. Сталина на этом совещании нет. Никому не приходит в голову вызвать его. Когда дело идет о том, чтобы сжечь все мосты отступления, никто не вспоминает о существовании так называемого «центра».

24 октября утром в Смольном, превращенном в крепость, происходит заседание ЦК, непосредственно открывающее восстание. В самом начале принято предложение Каменева, успешного вновь вернуться в состав ЦК: «Сегодня без особого постановления ни один член ЦК не может уйти из Смольного». В повестке стоит доклад Военно-Революционного Комитета. О так называемом «центре» в момент начала восстания — ни слова. Протокол гласит: «Троцкий предлагает отпустить в распоряжение Военно-Революционного Комитета двух членов ЦК для

налаживания связи с почтово-телеграфистами и железнодорожниками; третьего члена — для наблюдения за Временным правительством». Постановляется: на почту и телеграф делегировать Дзержинского, на железные дороги — Бубнова. Наблюдение за Временным правительством возлагается на Свердлова. «Троцкий предлагает, — читаем далее, — устроить запасной штаб в Петропавловской крепости и назначить туда с этой целью одного члена ЦК». Постановлено: «Поддерживать постоянную связь с крепостью поручить Свердлову». Таким образом, три члена «центра» впервые предоставляются здесь в прямое распоряжение Военно-Революционного Комитета. В этом не было бы, разумеется, нужды, если бы «центр» существовал и занимался подготовкой восстания. Протоколы отмечают, что четвертый член «центра», Урицкий, вносил практические предложения. А где же пятый член — Сталин?

Самое поразительное в том и состоит, что Сталина на этом решающем заседании нет. Члены ЦК обязались не отлучаться из Смольного. Но Сталин вовсе и не появлялся в его стенах. Об этом непрерываемо свидетельствуют протоколы, опубликованные в 1929 г. Сталин никак не объяснил своего отсутствия — ни устно, ни письменно. Никто не поднимал о нем вопроса, очевидно, чтоб не вызвать лишнего кризиса. Все важнейшие решения по проведению восстания принимаются в отсутствие Сталина, без какого-либо участия с его стороны. При распределении ролей никто не назвал Сталина и не предложил для него никакого назначения. Он попросту выпал из игры. Может быть, однако, он где-нибудь в укромном месте руководил «центром»? Но все члены «центра», кроме Сталина, находились безотлучно в Смольном.

В часы, когда открытое восстание уже началось, сгорающий от нетерпения в своей изоляции Ленин взывает к руководителям районов: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го... Из всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно борьбой вооруженных масс». Из письма вытекает с очевидностью, что Ленин до самого вечера 24 октября не знал о переходе Военно-Революционного Комитета в наступление. Связь с Лениным поддерживалась главным образом через Ста-

лина, как лицо, наименее интересовавшее полицию. Сам собою напрашивается вывод, что, не явившись на утреннее заседание ЦК и избегая появляться в Смольном, Сталин так и не узнал до вечера, что восстание уже в полном ходу. Дело идет не о личной трусости — обвинять в ней Сталина нет основания, — а о политической двойственности. Осторожный комбинатор предпочел в решительный момент оставаться в стороне. Он лавировал и выжидал, чтоб определить свою позицию в зависимости от исхода восстания. В случае неудачи он готовился сказать Ленину, Троцкому и их единомышленникам: «Вы виноваты!» Надо ясно себе представить пламенную атмосферу тех дней, чтоб оценить по достоинству эту холодную выдержку или, если угодно, это коварство.

Нет, Сталин не руководил восстанием ни лично, ни через посредство «центра». В протоколах, воспоминаниях, бесчисленных документах, справочниках, исторических учебниках, опубликованных при жизни Ленина и даже позже, пресловутый «центр» ни разу не называется, и имя Сталина как руководителя «центра» или хотя бы как видного участника восстания никогда и никем не упоминается. Память партии прошла мимо него. Только в 1924 г. Комиссия по истории партии, занятая собиранием материалов, набрела на тщательно спрятанную запись заседания 16 октября с текстом решения о создании практического «центра». Развернувшаяся в это время борьба против «левой оппозиции» и против меня лично требовала новой версии истории партии и революции.

Октябрьский переворот как источник нового режима естественно занял центральное место в идеологии нового правящего слоя. Как все это произошло? Кто руководил в центре и на местах? Сталину понадобилось около 20 лет, чтобы навязать стране историческую панораму, в которой он себя поставил на место действительных организаторов восстания, а этим последним приписал роль предателей революции. Было бы ошибочно думать, что он с самого начала имел законченный замысел борьбы за личное господство. Понадобились исключительные исторические обстоятельства, чтобы придать его амбиции неожиданные для него самого масштабы. Но в одном он оставался неизменно верен себе: попирая все другие соображения, он насилывал каждую конкретную ситуацию для упрочения своей

позиции за счет других. Шаг за шагом, камень за камнем, терпеливо, без увлечений, но и без пощады!

В непрерывном плетении интриг, в осторожном дозировании лжи и правды, в органическом ритме фальсификаций лучше всего отражается Сталин и как человеческая личность, и как вождь нового привилегированного слоя, который в целом вынужден создавать себе новую биографию.

Плохо начав в марте, скомпрометированный в апреле, Сталин весь год революции провел за кулисами аппарата. Он не знал непосредственного общения с массами и ни разу не почувствовал себя ответственным за судьбу революции. В известные моменты он был начальником штаба, никогда — командующим. Предпочитая отмалчиваться, он выжидал инициативы других, отмечал себе их промахи и слабые стороны и отставал от событий. Для успеха ему нужна была известная устойчивость отношений и свобода располагать временем. Революция отказывала и в том и другом.

Не вынужденный продумывать задачи революции с тем напряжением мысли, какое создается только чувством непосредственной ответственности, Сталин так и не понял до конца внутренней логики Октябрьского переворота. Оттого так эмпиричны, разрозненны и несогласованны его воспоминания, так противоречивы его позднейшие суждения о стратегии восстания, так чудовищны его ошибки в отношении ряда позднейших революций (Германия, Китай, Испания). Поистине, революция не есть стихия этого бывшего «профессионального революционера».

И тем не менее 1917 год вошел важнейшим этапом в формирование будущего диктатора. Он сам говорил позже, что в Тифлисе он был учеником, в Баку вышел в подмастерья, в Петрограде стал мастером. После четырех лет политического и умственного прозябания в Сибири, где он опустился до уровня «левых» меньшевиков, год революции под непосредственным руководством Ленина, в кругу товарищей высокой квалификации имел неизмеримое значение в его политическом развитии.

Он впервые получил возможность познакомиться со многим, что до тех пор совершенно выходило из круга его наблюдений. Он прислушивался и присматривался с недоброжелательством, но внимательно и зорко. В центре политической жизни стояла

проблема власти. Временное правительство с участием меньшевиков и народников, вчерашних товарищей по подполью, тюрьме и ссылке, позволило ему ближе заглянуть в ту таинственную лабораторию, где, как известно, не боги обжигают горшки. Та дистанция, которая отделяла в эпоху царизма подпольного революционера от правительства, сразу исчезла.

Власть стала близким, фамильярным понятием. Коба освободился в значительной мере от своего провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления. Он остро и с обидой почувствовал то, чего ему не хватает лично, но в то же время проверил силу тесно спаянного коллектива одаренных и опытных революционеров, готовых идти до конца. Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным.

Товарищ Сталин о юге России

Приехавший недавно из командировки Народный Комиссар Сталин поделился с нашим корреспондентом своими впечатлениями о состоянии Южного фронта.

ВАЖНОСТЬ ЮЖНОГО ФРОНТА

Уже одно стратегическое положение между донской контрреволюцией и Астраханско-Уральско-Чехословацкими бандами говорит о важности Южного фронта. Близость английской сферы влияния (Энзели, Красноводск) лишь усугубляет эту важность. Богатства юга России (хлеб, нефть, уголь, скот, рыба) сами по себе распаляют алчные аппетиты хищников империализма, старающихся оторвать от России этот важный уголок. Кроме того, несомненно, что с наступлением осени и ликвидацией Самарской авантюры центр военных действий переместится на юг. Этим, собственно, и объясняется та «лихорадочная» работа, которую развивают ныне контрреволюционеры юга, наскоро сколачивая новое (совсем новое!) «Всероссийское правительство» в составе царских холопов: Шипова, Сазонова, Лукомского, объединяя банды

Краснова, Деникина и Скоропадского в одну армию, взывая к помощи Англии и пр.

ЦАРИЦЫН КАК ЦЕНТР УДАРА

Пунктом наибольшего обстрела со стороны противника является Царицын. Оно и понятно, ибо взятие Царицына и прерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казацким и верхам и Астраханского войска и Уральского, создав единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков, оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа... Этим главным образом и объясняется то упорство, с каким тщетно стараются белогвардейцы юга взять Царицын. Еще в августе месяце Краснов издал приказ: «Взять Царицын». Банды Краснова в бешенстве кидались на наш фронт и старались его сломить, но нашей Красной Армией были сбиты и отброшены за Дон. В начале октября был издан новый приказ о взятии Царицына, на этот раз уже контрреволюционным казачьим кругом в Ростове. Было стянуто противником не менее сорока полков, набранных на Дону, в Киеве (офицерские полки Скоропадского!) на Кубани («добровольцы» Алексеева!). Но стальной рукой нашей Красной Армии красновские банды и на этот раз были отброшены прочь, причем целый ряд полков противника был окружен нашими войсками и перебит, оставив в наших руках орудия, пулеметы, винтовки. Генералы Мамонтов, Антонов, Попов, Толкушкин и целая свора полковников принуждены были спасаться бегством.

В ЧЕМ СИЛА НАШЕЙ АРМИИ?

Успехи нашей армии объясняются прежде всего ее сознательностью и дисциплиной. Солдаты Краснова отличаются поразительной тупостью и невежеством, полной оторванностью от внешнего мира; они не знают, за что воюют: «Нам приказали, и мы вынуждены драться», — говорят они на допросах, попадая в плен. Не то наш красноармеец. Он гордо называет себя солдатом революции, он знает, что воюет не за барыши капита-

листов, а за освобождение России, он знает это и смело идет в бой с открытыми глазами. Жажда порядка и дисциплины среди красноармейцев доходит до того, что нередко они сами наказывают своих «непослушных» и малодисциплинированных товарищей.

Не менее важное значение имеет появление целого кадра красных офицеров из бывших солдат, получивших боевое крещение в ряде сражений. Эти красные офицеры составляют основной цемент нашей армии, скрепляющий ее в единый дисциплинированный организм.

Но сила армии не исчерпывается ее собственными качествами. Армия не может долго существовать без крепкого тыла. Для прочного фронта необходимо, чтобы армия регулярно получала с тыла пополнение, боевые припасы, продовольствие. В этом отношении крупную роль сыграло появление в тылу знающих и умелых администраторов, главным образом из передовых рабочих, добросовестно и неустанно работающих по мобилизации и снабжению. Можно с уверенностью сказать, что Царицын не был бы спасен без таких администраторов.

Все это превращает нашу армию в грозную силу, могущую сломить любое сопротивление противника.

Все идет к тому, что на юге завязывается новый международный узел. Появление «нового» «Всероссийского правительства» в Екатеринодаре из ставленников Англии, объединение трех контрреволюционных армий (Алексеева, Скоропадского, Краснова), раз уже побитых нашими войсками под Царицыном, слухи о предполагаемом вмешательстве Англии, снабжение Англией терских контрреволюционеров из Энзели и Красноводска, — все это не случайности. Авантюру, провалившуюся в Самаре, стараются возобновить теперь на юге. Но у них не будет — безусловно не будет — того, без чего немислима победа, т. е. не будет армии, верящей в черное дело контрреволюции и способной драться до конца. Достаточно будет одного мощного натиска, — и карточный домик контрреволюционных авантюристов разлетится в прах. Поручкой в этом служат героизм нашей армии, разложение в рядах красноско-алексеевских «войск», усиливающееся брожение на Украине, растущая мощь Советской России и, наконец, все усиливающееся революционное движение на западе. Авантюра на юге кончится тем же, чем кончилась авантюра в Самаре.